

Мария Орунья Что скрывает прилив

роман

Перевод с испанского
Екатерины Ряхиной

phantom press

Москва

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)
О-70

MARÍA ORUÑA, LO QUE LA MAREA ESCONDE

© 2021, Editorial Planeta, S. A.

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии *Editorial Planeta S. A.*

Перевод с испанского *Екатерины Ряхиной*

Редактор *Игорь Алюков*

Оформление обложки и макет *Андрея Бондаренко*

Мария Орунья

О-70 Что скрывает прилив. Роман / Пер. с исп. Е. Ряхиной. — М.: Фантом Пресс, 2026. — 368 с.

Мария Орунья продолжает цикл детективных романов про Валентину Редондо и Оливера Гордона. На этот раз действие переносится в Сантандер, столицу Кантабрии. Этот северный приморский город когда-то был летней королевской резиденцией и сейчас считается одним из самых безопасных в Испании, но именно здесь, среди богатых особняков, дорогих яхт и роскошных парков, лейтенант Редондо впервые в своей карьере столкнется с невозможным преступлением.

Морская прогулка на шикарной шхуне по Сантандерской бухте неожиданно обрывается, когда хозяйку вечера, всесильную главу элитного теннисного клуба, находят мертвой. Ее каюта заперта изнутри, никто не мог войти туда незамеченным, а главное — не видно никакого оружия, которым ей могли нанести смертельную рану. На борту только восемь пассажиров и пять членов экипажа, и скоро выяснится, что почти каждый что-то скрывает о своих взаимоотношениях с погибшей. Валентина Редондо начинает подозревать, что одним загадочным убийством дело не ограничится. А тем временем Оливер Гордон снова обнаруживает, что его судьба переплетается с расследованием.

Классический “герметичный детектив” в современной интерпретации.

ISBN 978-5-907943-17-9

© Екатерина Ряхина, перевод, 2026

© Андрей Бондаренко, оформление, 2026

© “Фантом Пресс”, издание, 2026

Когда все планы терпят крах, когда любви приходит конец и ты понимаешь, что уже ничего не будет так, как прежде, ты постепенно и незаметно погружаешься все глубже в бездну. Это погружение неудержимо и бесшумно. И ты не хочешь, чтобы тебе помогли оттуда выбраться, — ты думаешь, что тебе лучше в темноте, словно теперь только привычный кошмар дает тебе ощущение безопасности. Еще недавно Пабло именно так себя чувствовал — сломленный, поверженный, он жалел, что ему не хватило смелости приблизиться к обрыву и преодолеть оставшиеся метры, чтобы разбиться о скалы.

Что его спасло? Внутренний стержень, эмоциональный интеллект? Он когда-то вычитал у одного гуманиста, что раз уж мы пришли в этот мир, то наш долг — жить. Как бы ни складывались обстоятельства. Жить. Наслаждаться любым опытом, уходить с головой во все возможные удовольствия. О, слова. Соблазнительные, убедительные — но не для двадцатипятилетнего парня, который стал парализованным. Нелепый несчастный случай четыре года назад на горнолыжном курорте в сердце Французских Альп. Сейчас тот момент, когда он повредил позвоночник на белых склонах Шамони, казался таким далеким. Кто мог ему тогда сказать, что он снова будет радоваться жизни, да еще вот так? Это стало возможно только благодаря его отцу, Хулиану. Всегда все упиралось в семью... Порой она как темный колодец со скользкими стенками, откуда так тяжело выбраться, а порой — источник сильнейшей безусловной любви, которая нас спасает.

Пабло с интересом рассматривал интерьер прекрасной шхуны, на борту которой ему предстояло ужинать уже через несколько минут. Да, Клуб Сантандерской бухты отлично потрудились над реставрацией. Двухмачтовая шхуна “Хиральда” имела около тридцати метров в длину и восьми в ширину. Она была построена в 1984 году, но имитировала стиль кораблей начала двадцатого века и меньше года назад стала ценным приобретением спортивного клуба. До этого флот клуба ограничивался надувными катерами, которые в летний сезон курсировали между пляжами Ла-Магдалена и Пунталь, но растущее число клиентов и благосостояние клуба, по-видимому, позволяли значительно повысить класс услуг. Пару недель назад была завершена реставрация шхуны, и ее спуск на воду торжественно отпраздновали.

Стояли первые теплые июньские дни, и в панорамные окна салона было видно, как мягко плещутся волны в бухте под вечеряющим небом.

— Чудесная морская прогулка — и такая красота, правда?

— Да, тут очень славно, — согласился молодой человек и повернулся к женщине, сидевшей рядом с ним в главном салоне корабля, рассчитанном на двадцать шесть пассажиров.

Он понял, что женщина заговорила с ним только затем, чтобы не молчать. Его собеседница сидела как на иголках. Пабло подумал, что она скорее похожа на домохозяйку средних лет, вырванную из привычной обстановки, чем на личного секретаря президента Клуба Сантандерской бухты.

— Маргарита, вы хорошо себя чувствуете? У вас такой напряженный вид.

— О, нет-нет, все в порядке, — запротестовала она, без нужды поправляя столовые приборы и ерзя на огромном зеленом диване в стиле “честерфилд”, окружавшем стол с трех сторон. — Это просто жара. А вы как, вам комфортно?

— Очень. Так бы и не вставал.

Она повернула к нему невыразительное добродушное лицо, рот приоткрылся, но она быстро сообразила, что он шутит. Поднять Пабло на борт не составило никакого труда для экипажа

корабля, ему оставалось только подъехать к большому столу в салоне, где сервировали ужин, и застопорить свое инвалидное кресло. Потолок и стены в салоне были из белого дерева, отполированного до блеска. Полы темного букового дерева тоже отреставрировали, но бережно сохранили царапины, оставленные временем и шагами моряков.

— Знаю я, что с вами происходит. Вы себе нервы треплете из-за этой ведьмы, — с улыбкой присоединился к разговору высокий голубоглазый мужчина, совершенно седой. Он чуть кивнул на широкий вход в салон, за которым была видна дверь лучшей каюты корабля. — Не убивайтесь вы так из-за сеньоры Помбо... Она все время так вас пилит?

— О нет, что вы...

Маргарита принялась нервно приглаживать свои тусклые волосы неопределенного светлого оттенка, пытаясь скрыть смущение. Она поняла, что кое-кто из гостей, похоже, стал свидетелем того, как Юдит Помбо отчитала ее, прежде чем удалиться в свою каюту.

— Просто у Юдит много работы, сеньор Раллис. Очень много.

— Да что вы? Я-то думал, ей лимон в задницу засунули.

Пабло засмеялся и обменялся заговорщическим взглядом с Василем Раллисом. Он плохо знал Юдит Помбо, но уже убедился, что у этой сеньоры невыносимый характер, из-за которого в последнее время приходилось непросто и ему самому. Юдит было за пятьдесят, однако одевалась она так, будто ей двадцать пять. Облегающие платья, дорогие хлопковые корсеты, пошитые на заказ жакеты и, конечно, еженедельные визиты в парикмахерскую и на маникюр, дорогая косметика. Всегда требовательная, с собеседниками она зачастую позволяла себе не стесняться в выражениях.

Едва ступив на борт “Хиральды”, Юдит тотчас принялась отчитывать секретаря за то, что та организовала ужин на корабле. Ее будто и не волновало, что капитан и даже кое-кто из гостей стоят всего в паре метров и старательно делают вид, будто ничего не слышат, нарочито громко восхищаясь красотой судна и элегантностью его отделки. “Тебе вообще ничего поручить

нельзя, Маргарита? Скажи мне! А? Нет, ты мне скажи! Здесь — коктейль, только коктейль! А ужин — в клубе! Что? Ну разумеется, я говорила про ужин на борту, но на вечеринке в стиле Ибицы, а не сегодня, ради всего святого!”

После этого Юдит Помбо удалилась в главную каюту, громко сообщив, что ей нужно в уборную, поскольку на воде ее всегда укачивает, а вдобавок она ужасно устала после деловой встречи в Лондоне, откуда только что прилетела. А потому она, пожалуй, приляжет на пару минут — хотя бы затем, чтобы спокойно просмотреть многочисленные письма и пропущенные звонки. Сеньора Помбо заявила, что скоро вернется, но до сих пор так и не удостоила гостей своим обществом.

Маргарита, пропустив мимо ушей вульгарную шутку сеньора Раллиса, решила, что ей придется взять на себя официальную часть вечера. Она встала и деликатно откашлялась.

— Добро пожаловать на борт “Хиральды”. Прошу к столу. Будьте добры, рассаживайтесь. Что? О, где пожелаете.

К ней подошел первый помощник и что-то прошептал на ухо. Она кивнула.

— На палубе? Да, скажите им, пожалуйста, чтобы спускались.

Первый помощник исчез, но через минуту вернулся в сопровождении смуглой девушки с блестящими глазами и буйными темными кудрями, за ней шел немолодой мужчина плотного телосложения. Он был в розовой рубашке поло и улыбался со скромным удовлетворением, как улыбаются люди, совершенно довольные собой и своей жизнью, а наметившийся живот поглаживал с такой же тайной нежностью, как это делает беременная женщина, которая пока что держит в секрете свое состояние.

— Все ждали только нас? — с удивлением спросила девушка, раздумывая от брiza.

Она была красива, а вкпе с юностью и естественностью красота ее буквально ошеломляла. Поправив бретельки элегантно-го зеленого платья в пол, девушка направилась к роскошно сервированному столу.

— Простите, что задержались. Понимаете, мы сейчас огибали остров Моуро, а оттуда такой впечатляющий вид на Ла-Магдалену! Эта прогулка на шхуне — настоящее чудо!

Все повернулись к окнам с декоративным переплетом в английском стиле и восхищенно залюбовались побережьем Сантандера. На фоне утесов вырисовывался внушительный дворец Ла-Магдалена, расписанный узорами света и тени, какие можно увидеть только с моря и только в тот час, когда бухту начинают укрывать сумерки. Маргарита с явным неудовольствием следила за тем, как девушка идет к столу, и не смогла скрыть раздражения, когда предложила ей и ее спутнику сесть на огромный зеленый диван. Нервно улыбнувшись, секретарь вернулась к прерванной речи:

— Через пару минут к нам присоединится сеньора Помбо и торжественно откроет вечер, а тем временем, если не возражаете, я бы хотела начать с чуть более... официальных представлений. Полагаю, за последние дни вы уже могли познакомиться на теннисной конференции — я обратила внимание, что многие беседовали между собой еще до посадки на борт... И хотя некоторые уже знакомы, я полагаю, что лучше мне самой всех представить.

Гости одобрительно зашумели, и Маргарита начала представлять собравшихся, а красивая миниатюрная официантка восточной наружности расставляла подносы с закусками и напитками.

— Итак, Пабло Рамос. — Маргарита указала на темноволосого молодого человека в инвалидном кресле, который слушал ее так внимательно, будто ему самому было интересно узнать, кто же он такой. — Пятое место в национальном мужском рейтинге тенниса на колясках, член координационного комитета Королевской федерации тенниса Испании в Барселоне...

— Пятое место? — перебил сеньор Раллис и отсалютовал бокалом вина. — Bravo, юноша! Так держать, не сдавайся, пока не доберешься до верхней строчки, черт побери!

— Беру пример с вас, — ответил Пабло, также поднимая бокал.

Василь Раллис не нуждался в представлениях, поскольку ужин был устроен в его честь: несколько лет он был первой ракеткой мира и к тому же единственный, помимо Рафаэля Надалья и Андре Агасси, выиграл за свою карьеру турниры Большого шлема, Кубок Дэвиса и олимпийское золото. Сейчас ему было под шестьдесят. Его, все еще подтянутого, в хорошей форме, излучающего знаменитую харизму, можно было часто встретить в кабинетах Международной федерации тенниса — он курировал испанскую команду на Кубке Дэвиса, координировал участие испанских спортсменов в этом командном турнире, крупнейшем в мире.

— Не сомневаюсь, что Пабло многого достигнет, — улыбнулась Маргарита. Она то и дело оглядывалась через плечо — поскорее бы уже пришла настоящая хозяйка вечера. — Что ж, вы все знаете сеньора Раллиса, который не нуждается в представлении, — продолжала она и тут же, вопреки собственным словам, принялась перечислять награды и титулы экс-теннисиста, который хоть и родился в Греции, но очень давно обосновался в Барселоне и на международных турнирах выступал за Испанию.

Закончив с Раллисом, Маргарита повернулась к девушке с буйными кудрями и ее спутнику в розовом поло:

— Возможно, вы уже знакомы с Феликсом Малианьо, президентом Федерации тенниса Кантабрии, в которую, разумеется, входит и наш клуб (мужчина улыбнулся и с наигранной торжественностью вскинул ко лбу правую руку, изображая, будто отдает честь)... и Викторией Кампоамор, его племянницей и членом совета директоров Федерации.

— Мы, конечно, не такие мастера, как сеньор Раллис и сеньор Рамос... — Виктория выставила перед собой ладони, будто обороняясь, — но в теннис тоже играть умеем, верно?

— Кое-кто даже способен отбить пару мячей, — добавил Феликс, и в его тоне чувствовалась трезвая оценка своих навыков, а не ложная скромность.

Все посмеялись, и Маргарита сказала несколько слов о заслугах обоих в Федерации. На самом деле ни Феликсу, ни Вик-

тории их должности в спортивной организации не приносили дохода, а основная деятельность у обоих была далека от мира тенниса: Феликс руководил компанией по переработке отходов, а его племянница работала в библиотеке Менендеса Пелайо в Сантандере. Однако Виктории удалось выйти на 4835-е место в женской классификации, а возраст и растущее брюшко Феликса ясно указывали на то, что играет он только для развлечения. Он уже много лет не попадал в престижную мужскую классификацию, да и прежде не входил в число даже первых десяти тысяч игроков.

От Пабло Рамоса не укрылось, что Маргарита представила Викторию Кампоамор подчеркнуто официально и сухо. Интересно, почему Маргарите не нравится эта милая девушка?

— Уверен, что вы прекрасно играете, — великодушно заметил Пабло и улыбнулся Виктории.

Викторию порадовало дружелюбие молодого человека. Пабло с его открытым взглядом ей понравился.

— У меня нет ни малейшего сомнения, что вы — испанская Мартина Навратилова, — сказал загорелый мужчина лет сорока, демонстрируя белоснежные ровные зубы.

— Марко, ради всего святого, отстань от девочки, — негромко произнесла женщина, сидевшая рядом со льстецом. Изысканный наряд, тщательный макияж, но все это не могло скрыть ее возраста — руки, унизанные кольцами, и морщины на шее выдавали, что ей, вероятно, сильно за шестьдесят. — Милочка, наверняка вы играете божественно, но мой муж совершенно не разбирается в женском теннисе. Лучшей теннисисткой всех времен была, остается и будет Штеффи Граф — единственная в мире, кто выиграл Золотой шлем. Единственная! — отрезала она, улыбаясь только половиной рта.

Пабло подумал, что столь категоричный тон присущ людям, которые не допускают, что им могут возразить.

— Золотой? А я думал, это называется Большой шлем, — заметил последний гость.

Это был тучный мужчина с прилизанными гелем очень редкими волосами.

— Ох, Эмилио, вы же совершенно не разбираетесь в теннисе, верно? — Поклонница великой Штеффи Граф покачала головой, будто подобное невежество казалось ей просто невыносимым. — Бедняга. Сегодня вам предстоит на редкость скучный вечер, — посетовала она с притворным сочувствием. — Выиграть Большой шлем, дорогой Эмилио, — это значит в течение одного сезона победить в четырех главных мировых турнирах.

— Открытый чемпионат Австралии, Ролан Гаррос во Франции, Уимблдон в Англии и Открытый чемпионат США... — перечислил Пабло, желая поддержать Эмилио.

Но неприятная дама перебила его:

— ...а Золотой шлем — это выигранные в одном сезоне Большой шлем и олимпийское золото.

Маргарита с очередным нервным смешком попыталась восстановить порядок. Она придвинулась к Эмилио и заботливо коснулась его плеча.

— Конечно, некоторые из вас наверняка уже знакомы с Эмилио Рохасом... — Маргарита натянуто улыбнулась поклоннице Штеффи Граф, — который совсем недавно возглавил Союз предпринимателей Кантабрии. Разумеется, мы надеемся, что сеньор Рохас, как и его предшественник, будет содействовать нашему клубу и наше сотрудничество останется таким же плодотворным и многообразным.

Затем она повернулась к Пабло Рамосу и Василию Раллису, которые, похоже, были наименее сведущи в том, кто есть кто на этом ужине. Секретарь указала на пожилую даму в драгоценностях и ее загорелого супруга:

— Почетные члены нашего клуба, дон Марко Фьоре и его жена донья Росана Новоа. Они сотрудничают с нами, предоставляя оздоровительные услуги членам клуба.

Последовали полагающиеся случаю приветствия и комплименты, но Пабло снова уловил едва заметную неприязнь в тоне Маргариты. За вежливыми словами часто скрывается враждебность, выдают которую глаза и легкая нотка в голосе. Особенно холодна Маргарита была, обращаясь к Марко Фьоре, но тот

если и почувствовал ее антипатию, умело скрыл это, не переставая сверкать идеальной улыбкой.

После того как с официальными представлениями было покончено, Маргарита растерянно замолчала, не зная, что еще сказать, и не в силах придумать, какими еще сведениями о гостях уместно поделиться. Она улыбнулась как можно непринужденней и решила, что раз шесть почетных гостей, собравшихся на ужин на борту “Хиральды”, уже представлены, она вправе сложить с себя обязанности хозяйки вечера.

— Пойду посмотрю, не освободилась ли донья Юдит. Пожалуйста, устраивайтесь поудобнее и отдыхайте.

Маргарита развернулась, и как раз в тот момент, когда она собиралась сделать шаг в сторону каюты, где находилась Юдит, раздался женский крик, мучительный и душераздирающий. Потом негромкое, едва различимое протестующее “нет”. Голос вроде бы доносился из каюты, куда удалилась Юдит Помбо. Неужели кричала она? Вне всякого сомнения. Из кухни, расположенной как раз напротив каюты, удивленно выглянула официантка, за ее спиной маячил мужчина — очевидно, повар, о чем говорил классический белый колпак на голове и деревянная ложка в руке. Он тоже явно был, как и официантка, откуда-то с Востока. Лицо его выражало изумление: брови приподняты, глаза словно ищут ответа на вопрос, что тут происходит.

Капитан “Хиральды” Алан Алонсо сделал то, к чему обязывал его форменный белый китель, — он быстро подошел к двери каюты и постучал.

— Сеньора Помбо! Сеньора! — крикнул он и подергал дверь. — Да что за... — И растерянно оглянулся на Маргариту, которая успела присоединиться к нему: — Не открывается!

Капитан попробовал еще раз.

— Да какого черта? Тим, Тим!

— Сеньор?

Первый помощник скатился по лестнице.

— Вернись на палубу, попробуй заглянуть в иллюминатор главной каюты с правого борта, посмотри, что там.

И капитан сильнее постучал в дверь:

— Сеньора Помбо! У вас все в порядке? Господи, да зачем она там заперлась? — Он снова глянул на Маргариту, но та беспомощно пожала плечами.

— Может, она в туалете, — предположила секретарша.

На корабле было несколько туалетов, один только для экипажа, остальные — для гостей, но уборная при главной каюте была, несомненно, самой удобной и современной.

— Капитан! — Первый помощник снова спустился по лестнице. — Свет горит, но внутри, похоже, никого. Возможно, сеньора лежит на кровати, но в иллюминатор не видно ту часть каюты.

— А если она все еще в туалете? — повторила Маргарита жалобно.

— Вряд ли, — возразил Тим. — Туалет как раз напротив иллюминатора, дверь там открыта и свет включен... И, по-моему, внутри никого нет.

Уже все гости, кроме Росаны Новоа и Пабло Рамоса, столпились на широкой площадке, куда выходила дверь каюты и где находилась лестница, ведущая на палубу. Капитан Алонсо втянул в себя воздух, выдохнул и сказал:

— Отойдите, пожалуйста.

Он сделал несколько шагов назад и всем телом бросился на дверь каюты, но лишь застонал от боли. Маневр повторил первый помощник, однако и его молодого энтузиазма не хватило, чтобы выбить массивную дверь из дерева благородных пород. Все притихли, но тут вперед протиснулся плотный, кряжистый мужчина с густой шевелюрой и светлой бородой. Он сосредоточенно дернул шею влево, потом вправо, вытер ладони о футболку. Капитан посмотрел на эту гору мускулов:

— Давай, Микаэль.

Гости расступились.

— Это наш старший механик, — негромко сказал капитан стоявшим рядом Маргарите и сеньору Раллису.

Здоровяк-механик ринулся на дверь, напрягшиеся мускулы под футболкой обозначились особенно рельефно. Раздался глухой удар, скрежет, и дверной косяк треснул сверху донизу.

Оказавшись в каюте, старший механик обвел ее взглядом и увидел... Юдит Помбо лежала на кровати навзничь, уставившись остекленевшими глазами на роскошный потолок каюты, словно видела там нечто необычайное и ужасное. Из груди в области сердца сочилась кровь. Блестящие светлые волосы разметались по подушке, а лицо под ярким макияжем так побледнело, что походило на гротескную маску.

Микаэль застыл, рассматривая женщину. В том, что она мертва, сомнений быть не могло. Капитан, а за ним остальные потянулись в каюту, слышались возгласы изумления и ужаса. Маргарита подавила крик, зажав рот руками. Она бросилась к Юдит, чтобы помочь. Капитан Алонсо ухватил секретаря президента клуба за плечо.

— Подождите, — велел он мрачно. — Лучше ее не трогать. И вообще, пожалуйста, ничего тут не трогайте.

Он повернулся и обвел взглядом сгрудившихся в каюте. Помимо гостей, тут были и повар с официанткой, которая так и держала в руках поднос.

— Тим, иди сюда, помоги мне.

Первый помощник приблизился, и капитан проверил пульс у неподвижно лежащей Юдит, хотя и без того было очевидно, что она мертва.

— Осмотрим рану? — спросил первый помощник. — Может быть...

— Нет, — покачал головой капитан. На его судне мертвая женщина, а он видел достаточно детективов, чтобы знать, что надо оставить все как есть. — Мы ей ничем не поможем, и лучше как можно меньше к ней прикасаться.

Тем не менее капитан и помощник наклонились, пытаясь рассмотреть рану в области сердца и понять, чем она вызвана. Капитан шумно втянул воздух и удрученно качнул головой. Как могла пораниться эта женщина? Или же в нее стреляли? Но он не слышал никакого выстрела. Да и кроме того, разве от пули бывает такое маленькое отверстие? Может, ее ударили чем-то острым? Капитан искал глазами что-нибудь такое, какое-нибудь оружие, которым могла бы быть нанесена

необычная рана. Но ни на кровати, ни рядом ничего такого не оказалось.

Капитан взглянул на иллюминатор, единственный в каюте, и убедился, что тот надежно закрыт изнутри. После этого они с Тимом вместе заглянули в туалет — и там пусто, да и не видно ничего необычного. Открыли шкаф — полки забиты стопками аккуратно сложенных простыней и одеял. Все в комнате было в идеальном порядке. Капитан повернулся к гостям. Они будто окаменели, за исключением Марко Фьоре, который беспрерывно бормотал, будто пытаясь словами развеять ужасную картину.

— *Quegli occhi morti... Terrible!** — причитал Марко.

— Прошу всех выйти из каюты, — распорядился капитан. — Надеюсь, никто ни до чего не дотрагивался?

— Нет, нет... — раздались голоса.

— Какой ужас, но как это вообще возможно? — спросила Виктория, не в силах оторвать взгляд от тела Юдит. — Не понимаю... Ее что, застрелили? Но она же была тут одна, дверь заперта...

— Как ее могли застрелить? — возразил Феликс Малианьо. Он тер лицо обеими руками, словно надеясь проснуться от этого нежданного кошмара. — Мы бы услышали выстрел!

— Глушитель... — предположил Эмилио Рохас.

Он не разбирался в огнестрельном оружии, зато смотрел немало боевиков. Виктория скептически глянула на него. Девушка была потрясена, но способности здраво мыслить не утратила.

— Она ведь была тут одна, в запертой комнате, совсем одна! Как ее могли... А что, если... Вдруг она покончила с собой?

Тут все снова повернулись к телу. Каким-то образом — ее ли собственной рукой или чужой — Юдит Помбо нанесли смертельную рану, однако нигде не было никакого оружия, и в каюту, запертую изнутри, никто и ничто не могло проникнуть. Как же это произошло?

* Эти мертвые глаза... Ужас! (*итал.*)

Капитан еще раз напомнил, что все должны покинуть каюту, а затем вместе с Тимом и Микаэлем снова осмотрел помещение изнутри. Ничего странного или необычного, не считая выбитой двери и нескольких едва заметных капелек крови на ковре рядом с кроватью. Капитан кое-как прикрыл сломанную дверь и оставил первого помощника и Микаэля охранять каюту. Весь взмокший, он вернулся в салон и обвел взглядом гостей трагического ужина, которые взволнованно разговаривали. Василь Раллис в подробностях рассказывал об увиденном в каюте Росане Новоа и Пабло Рамосу — единственным, кто там не побывал.

— Очень сомневаюсь, что это самоубийство, — уверенно сказал экс-теннисист. — Юдит не из тех, кто кончает с собой.

— Такое нельзя знать наверняка, — ответил Пабло, подумав о собственном опыте.

— Можно, сынок. Бывает, что обстоятельства доводят человека до отчаяния. Но Юдит Помбо настолько себя любила, что вряд ли нанесла бы сама себе рану, даже ради того, чтобы привлечь внимание.

— Сеньор Раллис! — возмутилась Маргарита. Секретарь не переставала плакать и нарезала круги по салону, пытаясь придумать хоть какое-то объяснение. — Она сказала... Сказала, что пойдет в уборную и ответит на несколько писем... Точно! Именно так и сказала! Может, она получила какое-то известие, которое ее настолько потрясло, что...

— Вы забываете об оружии, Маргарита, — возразила Виктория, которая в попытке успокоить нервы залпом осушила бокал белого вина. — Не просто же так Юдит закричала, и эта кровь... но мы не увидели ничего, что могло бы...

— Милочка, — перебила Росана Новоа, презрительно глянув на девушку, — и что же вы предлагаете? Считать, что произошло убийство в запертой каюте посреди моря? — Она не сдержала язвительную усмешку. — В таком случае убийца — один из нас.

В салоне повисло неловкое молчание, две женщины сверлили друг друга взглядами, а потом все разом заговорили, наперебой предлагая свои версии, но ни одна из их теорий не могла ни убедительно объяснить произошедшее, ни разрядить обстановку.

Все теперь смотрели друг на друга с подозрением. Наконец вмешался капитан и призвал собравшихся к тишине. Гости смолкли и повернулись к нему в ожидании.

— Дамы и господа, — властно заговорил Алан Алонсо, — прошу сохранять спокойствие. Мы немедленно сообщим властям о случившемся и направимся в порт. Если только не обнаружится какое-то логичное и разумное объяснение этой трагедии, то, боюсь... что на “Хиральде” произошло преступление.